

И.С. Гуревич

О двух буддийских текстах как источниках китайского разговорного языка III–IX вв.¹

Грамматическая структура китайского языка III–V вв. представлена в статье текстом перевода на китайский язык «Сутры о царевиче Судане», репрезентативность которого для языка указанного периода выявляется при сопоставлении с текстами оригинальных китайских сочинений «Записки о поисках духов» Гань Бао и «Новая книга рассказов о современниках» Лю И-цина. Значимость «Сутры Шестого Патриарха» (ее дуньхуанской версии) определяется тем, что это самый ранний текст жанра *юйлу*, который зафиксировал переход грамматической структуры языка III–V вв. к явно выраженным грамматическим явлениям языка IX–X вв., полностью проявившимся в текстах *юйлу* эпохи Тан.

Ключевые слова: переводы буддийских сочинений, Сутра о царевиче Судане, Сутра Шестого Патриарха, оригинальные китайские тексты, разговорный язык III–IX вв., репрезентативный текст, грамматическая структура языка.

В статье для прошлых Розенберговских чтений я попыталась охарактеризовать значимость буддийских текстов в их совокупности для исследования исторической грамматики китайского разговорного языка за период его перехода от древнекитайского к «настоящему» среднекитайскому; теперь же я сочла уместным сосредоточиться на двух конкретных буддийских текстах, двух сутрах — «Сутре о царевиче Судане» и «Сутре Шестого Патриарха» (СШП) и их отдельной роли для изучения китайского разговорного языка соответствующего периода.

Первый текст, «Сутра о царевиче Судане» (太子須達拏經) — памятник буддийской литературы, входящий в свод буддийских сочинений на китайском языке, или китайскую Трипитаку (Трипитака, 1924–1929), в раздел «Первопричины» (*benyuan* 本緣, от санскр. «джатака» *jāṭaka*). Последние представляли собой рассказы о легендарных событиях из прошлых рождений Будды. В основе джатак лежат представления буддизма о бесконечной цепи связанных между собой причинно-следственной зависимостью существований, через которые проходят все живые существа: каждое последующее существование определяется добрыми или злыми деяниями предшествующего существования, т.е. кармой.

Композиция джатак строится по принципу «рамочной конструкции»: короткое сообщение о настоящем является поводом для изложения Буддой одного из эпизодов из его прошлых рождений, повествование о котором занимает основной объем текста; через этот эпизод Будда на примере одного из своих существований может наставлять слушателей вести себя нравственно, быть щедрыми к просящим, быть терпимыми, не причинять вреда живым существам и внушать всякие прочие добродетели. Связующим моментом между основным повествованием и коротким рассказом в начале

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (грант № 12-04-00007).

сутры является отождествление действующих лиц, которым и завершается сутра: так, Буддой в прошлых перерождениях объявляется герой–носитель высоких моральных качеств; тот же принцип выдерживается при отождествлении с другими буддийскими мудрецами–«святыми» и остальных героев повествования Будды².

Известный историк китайского буддизма Чэнь К.С. назвал «Сутру о царевиче Судане» одной из наиболее широко известных джатак (Чэнь, 1964, с. 176–177).

Существовало несколько переводов «Сутры о царевиче Судане» с санскрита на китайский язык: наиболее известным и традиционно предпочтительным является перевод, выполненный в эпоху Западная Цинь (385–431) шраманом Шэн Цзянем. Сведения о переводчике весьма скудны: известно лишь, что он выходец из Западных земель, долго жил в Лянчжоу (совр. провинция Ганьсу)³, кроме указанного текста перевел еще девять сочинений.

Обращаясь к грамматической структуре памятника⁴, находим в нем богатейший материал, позволяющий судить о развитии грамматической системы разговорного языка в период III–V вв.

Утверждение о репрезентативности того или иного памятника может быть убедительным, если давать его в сопоставлении с другими памятниками того же времени. В нашем случае, когда речь идет об отражении разговорного языка эпохи, то «Сутру о царевиче Судане» уместно сопоставлять с оригинальными китайскими сочинениями, которые так или иначе, в той или иной степени должны были зафиксировать грамматические явления, свойственные языку времени, когда они создавались.

Материалом для сравнения послужили состоящее из 20 цзюаней сочинение Гань Бао⁵ «Записки о поисках духов» (搜神記 *Соу шэнь цзи*), «Новая книга рассказов о современниках» (世說新語 *Шишо синь юй*) Лю И-цина⁶, отчасти использовался материал несколько более позднего произведения Ян Сюань-чжи⁷ — «Записки о лоянских монастырях» (洛陽伽藍記 *Лоян цзялань цзи*).

Сравнивая грамматическую структуру заявленного источника с таковой оригинальных китайских сочинений, при этом принимая во внимание всего лишь несколько грамматических явлений, достаточно беглого взгляда, чтобы заметить, что в «Сутре о царевиче Судане» новые грамматические показатели преобладают над древнекитайскими, тогда как в оригинальных китайских текстах картина обратная.

Для подтверждения высказанного положения приведу конкретные данные, в том числе и статистические. Так, некоторые служебные слова образуют очень удобные для сопоставления пары, в которых одно слово из пары, как правило, характерно для классического древнекитайского языка, другое же — для языка более позднего времени. Такие пары образуют местоимения 1-го л. 吾 *wu* ‘я’, 我 *wo* ‘я’, 然 *ran* ‘так’, ‘по-

² Подробная характеристика особенностей джатак как жанра буддийской литературы дана в Предисловии О.Ф. Волковой в кн.: Арья Шура, 1962.

³ Там же, в Лянчжоу (涼州), между прочим, родился и жил другой известный переводчик цзиньского периода — Чжу Фо-нянь (竺佛念), которому принадлежит перевод «Сутры явленного сияния» (出曜經).

⁴ Материал «Сутры о царевиче Судане» послужил одним из основных источников при написании мною «Очерков грамматики китайского языка III–V вв.» (Гуревич, 1974).

⁵ Гань Бао жил в начале Восточной Цинь в уезде Синьцай. Точные даты жизни неизвестны. При императоре Юань-ди (317–323) Гань Бао был назначен официальным историографом.

⁶ Лю И-цин жил в 403–444 гг. Его сочинение, написанное в подражание несохранившемуся памятнику эпохи Хань, относится к жанру «сяошо-записи» (筆記小說). В книге собраны повествования о мелких событиях, относящихся ко времени от Восточной Хань до Восточной Цинь.

⁷ Ян Сюань-чжи жил во времена династии Северная Вэй (396–535) в области Бэйпин (北平), точные даты жизни неизвестны. В 547 г. он посетил Лоян и увидел вместо прежних храмов и пагод развалины городских стен, руины дворцов, холмы и курганы. Тогда он и решил взяться за составление описания лоянских монастырей.

ступать таким образом' и 爾 *er* с теми же значениями; для показателя будущего времени перед глаголом — 將 *jiang* и 當 *dang*; для показателя побудительной конструкции — 使 *shi* и 令 *ling* и т.д.

Местоимения 我 *wo* и 吾 *wu*. В классическом древнекитайском языке в функции подлежащего чаще употреблялось местоимение 吾 *wu*, а в функции послеглагольного дополнения — местоимение 我 *wo*. Впоследствии местоимение 我 вытеснило местоимение 吾 *wu*, и последнее исчезло из живой речи. Обратимся к текстам: в тексте «Сутры о царевиче Судане» 我 встретилось более 100 раз, местоимение 吾 всего 2 раза, и притом оба раза в одном и том же сочетании, смысл которого не очень ясен. В «Записках о поисках духов» 我 встретилось 20 раз, а 吾 — 15 раз; в «Новой книге рассказов о современниках» 我 встретилось 12 раз, а 吾 — 3 раза. Из этого следует, что в анализируемом буддийском тексте употребляется почти исключительно местоимение 我, тогда как в оригинальных китайских сочинениях местоимение 吾 продолжает употребляться наряду с 我.

Заместители предикатива 爾 *er* 然 *ran*. В классическом древнекитайском языке в функции заместителя предикатива употреблялось 然, в языке III–V вв. появилось слово 爾. В тексте «Сутры о царевиче Судане» 爾 встретилось 5 раз, а 然 не встретилось ни разу. В «Записках о поисках духов» 爾 отмечено 2 раза, 然 — 5 раз; в «Новой книге рассказов о современниках» 爾 встретилось 6 раз, 然 — 8 раз.

Показатели будущего времени 當 *dang* и 將 *jiang*. В классическом древнекитайском в качестве показателя будущего времени употреблялось слово 將, но уже с эпохи Хань в этой функции начало употребляться слово 當. В тексте «Сутры о царевиче Судане» 當 встретилось 40 раз, 將 — 2 раза. В «Записках о поисках духов» 當 встретилось 18 раз, 當 — 15 раз. В «Новой книге рассказов...» 當 встретилось 16 раз, 將 — 10 раз.

Показатели побудительной конструкции 令 *ling* и 使 *shi*. В классическом древнекитайском языке показателем побудительной конструкции выступало слово 使; начиная с текстов эпохи Хань, в этой функции встречается слово 令. В тексте «Сутры о царевиче Судане» 24 раза отмечено 令 и 12 раз 使. В «Записках о поисках духов» 15 раз употреблено 令 и 20 раз 使; в «Новой книге рассказов...» 令 употреблено 3 раза, 使 — 11 раз.

Цифры, полученные в результате сравнения нескольких пар служебных слов, свидетельствуют о том, что, как правило, более новое слово из пары в тексте «Сутры о царевиче Судане» встречается чаще, чем в текстах оригинальных китайских сочинений. Старое же слово в тексте «Сутры...» либо вовсе не встречается, либо отмечается крайне редко.

Не для всех служебных слов можно подобрать столь «удобные» для сравнения пары. Отдельные служебные слова — правда, таких немного — в языке III–V вв. не имеют соответствия в китайском языке, поскольку в нем не было той грамматической категории, которую они выражают. Это касается, например, связки 是 *shi*. В древнекитайском языке не было настоящей именной связки, которая стояла бы между подлежащим и сказуемым, и именная предлодение образовывалось путем непосредственного примыкания сказуемого к подлежащему. Кроме непосредственного примыкания именная предлодение в древнекитайском могло образовываться с помощью морфем: 為 *wei*, 乃 *nai*, 即 *ji* и, наконец, с помощью 者 *zhe* (после подлежащего) и 也 *ye* (после сказуемого). Ни одна из приведенных выше морфем не является такой связкой, которую можно было бы сопоставить со связкой 是.

В языке III–V вв. появились и стали широко употребляться именные предлодения со связкой 是. Однако еще нельзя сказать, что употребление связки в языке этого

периода стало абсолютно регулярным, еще часто в текстах этого времени встречаются именные предложения, образованные путем непосредственного примыкания сказуемого к подлежащему и с помощью морфем 為 *wei*, 乃 *nai*, 即 *ji*, а также 者 *zhe* и 也 *ye*. Сопоставим употребление связочных именных предложений и именных предложений без связки и с морфемами 為 *wei*, 乃 *nai*, 即 *ji*, а также 者 *zhe* и 也 *ye* в текстах. В тексте «О царевиче Судане» 11 раз отмечено именное предложение со связкой 是, 5 раз с морфемой 為 и 1 раз — образованное простым примыканием. В «Записках о поисках духов» именное предложение со связкой 是 встретилось 10 раз, с морфемой 為 — 25 раз, с морфемами 者 и 也 — 24 раза, с морфемой 乃 — 2 раза и с морфемой 即 — один раз. В «Новой книге рассказов...» 11 раз отмечены именные предложения, содержащие связку 是, 11 раз — образованные с морфемой 為, 2 раза — с морфемой 即 и один раз — с морфемой 乃, 2 раза отмечено именное предложение, образованное путем простого примыкания.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в буддийском источнике предложения со связкой 是 встречаются гораздо чаще, чем бессвязочные предложения и именные предложения, образованные с помощью морфем 為, 乃, 即, 者 и 也; в текстах же оригинальных китайских сочинений, наоборот, гораздо больше случаев приходится на именные предложения, образованные путем непосредственного примыкания сказуемого к подлежащему.

Некоторые служебные слова в языке интересующего нас периода III–V вв. приобрели новые функции и значения, которых у них не было в классическом древнекитайском и которые — и это весьма интересно — сохранились у этих слов в современном китайском языке: это относится к местоимению 他 *ta* и наречию 都 *du*.

В классическом древнекитайском языке 他 было указательным местоимением; оно могло выступать в функции определения к другому существительному и тогда имело значение «другой»; кроме того, оно могло употребляться самостоятельно, в этом случае 他 заменяло название абстрактного понятия и значило «нечто другое».

В языке III–V вв. местоимение 他 приобрело новые свойства — оно стало указывать на лицо, хотя еще неопределенное. В функции дополнения 他 значило «другой человек», «кто-то», а в функции определения оно получает притяжательное значение. Такое 他 мы предлагаем называть «неопределенно-личным». Однако в отдельных, хотя еще очень редких случаях в языке этого времени местоимение 他 представляет собой настоящее личное местоимение. Наряду с этим в языке этого периода 他 употребляется и в своем старом значении. При этом примеры на 他 «неопределенно-личное» и те единичные случаи, когда 他 выступало как настоящее личное местоимение, встречаются исключительно в буддийских текстах, в частности в «Сутре о царевиче Судане». Употребление же местоимения 他 в указательном значении в рассматриваемом тексте «О царевиче Судане» ограничено, во-первых, только функцией определения перед существительным и, во-вторых, небольшим числом самих существительных (人 *ren* ‘человек’, 國 *guo* ‘государство’ и т.д.), при которых 他 могло выступать в функции определения. Что же касается текстов оригинальных китайских сочинений, то 他 в них употребляется исключительно как указательное местоимение.

О наречии 都. Наиболее обычным значением для этого наречия является «вовсе», «совсем», «абсолютно». Однако в языке этого времени у 都 появляется и другое значение — наречие 都 ставится перед глаголом, когда требуется подчеркнуть, что действие, выраженное сказуемым, распространяется на весь объем подлежащего или дополнения. Это значение сохраняется у 都 и в современном китайском языке. В этом последнем значении 都 отмечено только в «Сутре о царевиче Судане» как буддийском тексте. В текстах же «Новой книги рассказов...» и в «Записках о поисках духов»

обсуждаемое наречие используется исключительно в значении «совсем», «абсолютно».

Итак, изложенное выше свидетельствует о том, что в рамках рассматриваемого нами круга источников *отдельные* новые грамматические явления китайского языка III–V вв. зарегистрированы только в тексте «Сутры о царевиче Судане» и практически вовсе не отмечены в других памятниках этого периода. Вместе с тем в тексте «Сутры...» совсем не встречаются некоторые грамматические явления, характерные для классического древнекитайского языка, которые в изобилии используются в текстах оригинальных китайских сочинений. Так, в «Новой книге рассказов...» очень часто встречается показатель прошедшего времени 嘗 *chang* перед глаголом. В тексте «Сутры...» отдельное 嘗 вовсе не отмечено, и только иногда его можно встретить в составе отрицания 未嘗 *weichang*. В текстах оригинальных китайских сочинений 見 *jian* перед глаголом иногда еще сохраняет значение показателя страдательного залога; в тексте «Сутры...» оно уже окончательно утратило залоговое значение и превратилось в местоименное дополнение, которое стоит перед глаголом и указывает, что действие направлено на первое лицо.

Список подобного рода примеров можно было бы продолжать.

Второй из рассматриваемых текстов — дунхуанская версия (ДХ-версия) «Сутры Шестого Патриарха» (南宗頓教最上大乘摩訶般若波羅蜜經大祖惠能大師於韶州大梵寺施法壇經. Учение о внезапном просветлении южной школы маха-праджня-парамита-сутра высшей махаяны: сутра помоста Великого Наставника, Шестого Патриарха Хуэй-нэна, проповедовавшего дхарму в монастыре Дафаньсы в Шачжоу).

Как собрание высказываний и поучений знаменитого чаньского наставника Хуэй-нэна 惠能, (633–713), СШП является фундаментальным текстом чань-буддизма в Китае. Для лингвистов памятник представляет особый интерес в языковом плане, будучи наиболее ранним текстом в жанре *юйлу*, единственным произведением этого жанра, созданным ранее IX в. СШП как текст по праву должен быть признан уникальным источником для изучения разговорного языка VII–VIII вв. Однако, для того чтобы использовать памятник как материал-источник, нужна полная уверенность в его аутентичности. Ведь именно из-за сомнений в аутентичности материал СШП в свое время не учитывали при описании грамматических явлений в текстах *юйлу* такие общепризнанные мэтры синологии, как Масперо (Масперо, 1914, с. 1–36) и Гао Мин-кай (Гао Мин-кай, 1948), хотя и характеризовали памятник как наиболее ранний текст в жанре *юйлу*.

Я сочла недопустимым пренебречь мнением столь высоких авторитетов, и поэтому возникла необходимость обратиться к весьма непростой, довольно запутанной истории бытования обсуждаемого текста.

В буддийском каноне — токийской Трипитаке, в ее 48-м томе под № 2007 и 2008 — помещены два текста СШП, названия которых⁸ существенно отличаются по количеству знаков: первый составлен танским Фа Хаем (法海), второй — юаньским Цзун Бао (宗寶); по объему второй текст превосходит первый в 2,5 раза. Уяснить подобные различия невозможно без понимания сложных поворотов в истории существования текста. Очень подробно историю бытования памятника проследил в своей книге (Ямпольский, 1967).

⁸ 南宗頓教最上大乘摩訶般若波羅蜜經大祖惠能大師於韶州大梵寺施法壇經 (Учение о внезапном просветлении южной школы маха-праджня-парамита-сутра высшей махаяны: сутра помоста Великого Наставника, Шестого Патриарха Хуэй-нэна, проповедовавшего дхарму в монастыре Дафаньсы в Шачжоу) (2007) и 六祖大師法寶壇經 (Сутра помоста сокровища дхармы Великого Наставника Шестого Патриарха) (2008).

Наиболее ранняя из сохранившихся до настоящего времени версий СШП — это рукопись, обнаруженная в Дуньхуане: по каллиграфическим признакам проф. Акира Фудзиэда датирует ее примерно 830–860 гг. (Ямпольский, 1967, с. 90). Сильно поврежденная, изобилующая ошибками, описками, лакунами, она производила впечатление выполненной в спешке копии с весьма несовершенного оригинала, относящегося приблизительно к 780 г., более никаких сведений о последнем нет. Вынужденно опускаю многие подробные детали и вслед за большинством исследователей склонна исходить из того, что текст памятника был составлен в 714 г., год спустя после смерти Хуэй-нэна, которому и принадлежат собранные в ней беседы и поучения. Возможно, позднее к изначальному варианту были сделаны какие-то дополнения приверженцами Шэнь-хуэя (神會), которые примерно к 820 г. придали тексту ту завершенность, с которой мы имеем дело сейчас (Трипитака, т. 48, с. 337–345; Ямпольский, 1967, с. 1–30). Нам неизвестно, что происходило с текстом СШП в IX в., кроме того, что было упрощено его название. О рукописной версии СШП, которая была следующей после дуньхуанской, — она не сохранилась — существуют косвенные свидетельства, и они датируют ее 967 г., а составителем называют некоего Хуэй-синя (惠昕), сведений о котором источники не дают. Известно, однако, что в предисловии к рукописи он отмечал плохое состояние текста. Хуэй-синь внес в текст некоторые исправления и разделил его на две цзюани и одиннадцать разделов. Тот же самый источник, что поведал о хуэйсиневской рукописи, сообщил, что в 1031 г. существовала еще одна рукописная копия (возможно, исправленная), принадлежавшая некоему Чао Цзюну (晁迥); на ее основе было выполнено северосунское печатное издание 1153 г. Предположительно, перепечатка с этого издания была обнаружена в Киото, в монастыре Синшэнсы. Предисловие к нему, датированное 1599 г., было написано от руки основателем этого монастыря, поскольку в принадлежавшем ему тексте Предисловия не доставало; при этом переписанное от руки Предисловие было взято из другого текста, и тут была допущена (или повторена?) ошибка — он объединил предисловия из хуэйсиневской версии (именно благодаря этому источнику и стала известна сама эта версия) и из рукописной книги Чао Цзюна.

Кроме сунского издания 1153 г. существовал еще один северосунский текст — издание из монастыря Дачэнсы (大乘寺) с предисловием настоятеля этого монастыря Цунь Чжуна (存中), датированное 1116 г. По сравнению с дуньхуанской рукописью сунские тексты выглядят значительно более «благополучными»: в них исправлены многие ошибки, да и объем их существенно увеличился: изначальные 12 тыс. знаков дуньхуанской версии превратились в сунских текстах в 14 тыс. При некоторых различиях в основном сунские тексты все же совпадают и, несомненно, восходят к дуньхуанской версии.

Известно, что во временном отрезке, отделяющем сунские издания от версии Хуэй-синя (967), имела хождение еще одна не дошедшая до нас версия, но свидетельства на сей счет сохранились. Именно эта версия, как можно предположить, явилась одним из источников для значительно расширенного (21 тыс. знаков!) юаньского издания. Собственно, юаньских изданий было два, и печатались они независимо одно от другого в 1290 и 1291 гг. Интерес для нас представляет издание 1291 г., выполненное на юге Китая, в Наньхае, уже упоминавшимся наставником Цзун Бао. Включенное в Минскую Трипитаку, это издание является наиболее распространенным и в настоящее время. Именно на него ссылаются в своих работах Масперо и Гао Мин-кай, когда говорят о позднейших переделках СШП.

Представляется, что история бытования СШП позволяет говорить о существовании двух версий текста одного и того же памятника. Для того чтобы это утверждение

не было бы просто голословной спекуляцией, подтвердить его можно лишь фактами языка.

Сопоставление грамматических характеристик языка текста СШП, зафиксированного юаньским (Ю) изданием, с таковыми дуньхуанской версии памятника может оказаться серьезным, пусть и косвенным аргументом в пользу аутентичности последней. Вот как выглядят сравнительные характеристики основных параметров ДХ- и Ю-версий СШП.

Из служебных слов при существительном. В ДХ-версии отсутствует суффикс 子 *zi* (в словах 弟子 *dizi* ‘ученик’, ‘последователь’ и 童子 *tongzi* ‘прислужник’ 子 нельзя считать суффиксом), тогда как в Ю-версии, хотя и в единичных случаях, но суффикс 子 используется: 釋子 *shizi* ‘буддийский монах’ (357a)⁹, 日子 *rizi* ‘срок’, ‘время’ (362a).

Из личных местоимений. В ДХ-версии для 3-го л. отмечено лишь старое древнекитайское 之 *zhi* в функции дополнения, но не встретились более поздние 伊 *yi*, 渠 *qu*, обычные для текстов юйлу IX в.: 世人本有之 *Shi ren ben you zhi* (§ 12)¹⁰ ‘Люди этого мира изначально обладают этим’. Местоимение 他 *ta* в ДХ-версии отмечено лишь в старом значении ‘другой’: 他佛 *ta fo* (§ 23) ‘Другой будда’. В Ю-версии 他 употребляется как настоящее личное местоимение: 他得無師之智 (358b) *Ta de wu shi-zhi zhi* ‘Он постиг мудрость без наставника’; ...從他退席... (356a) ...*cong ta tuixi*... ‘...уходи вслед за ним’. Также для 3-го л. отмечено 伊: 饒伊盡思共推 (356a) [Будда] пожалует их и все мысли разом изгонит’.

Вопросительные слова. Если в ДХ-версии отмечено лишь старое вопросительное слово 何 *he* и сочетания с ним 何人 *heren*? ‘кто?’, 何等 *hedeng*? 何事 *heshi*? 何物 *hewu*? ‘что?’, 何處 *hechu*?, ‘где?’, 何以 *heyi*? 何須 *hexu*? ‘зачем?’, ‘как?’, а новокитайское 甚麼 *shemma*? вообще не встретилось, то в Ю-версии используется весь набор новокитайских вопросительных слов: 甚麼人 *shemmaren*? ‘кто?’ — для вопроса о лице, 什麼 (甚) *shemma* (*shen*)? 什麼物 *shemmawu*? ‘что?’ — для не-лиц; 作甚麼 *zuoshemma*? ‘почему?’, 作麼 *zuoma*? ‘как?’. Из невопросительных местопримечательных в Ю-версии отмечены 與麼 *yuma* и 恁麼 *remma* ‘так’.

Из указательных местоимений. В ДХ-версии встречаются только старые 此 *ci*, 彼 *bi*, тогда как в Ю-версии для ближнего указания наряду со старым 此 употребляется и новое 這 *zhe*: 這獠 *Zhe geliao* (348c) ‘Эти варвары’; 這沙彌 *Zhe shami* (359b) ‘Этот послушник’.

Из других слов-заместителей. В функции именного определения в ДХ-версии отмечено возвратное 自 *zi*; в той же функции в Ю-версии используется обычное для современного языка двусложное 自己 *ziji*. ...見自三身佛... ..*jian zi san shenfo*... (§ 20) ‘...увидеть своего собственного будду в трех телах...’; 我自法門... *Wo zi fa men*... (§ 17) ‘Мое собственное учение о Дхарме...’, где 自 выступает в функции приложения. 自己面目 *Ziji mianmu* (349b) ‘Собственный облик’; 自己靈光 *Ziji lingguang* (356b) ‘Свет своей души’.

В качестве показателей множественности в ДХ-версии отмечены 等 *deng* и 衆 *zhong*, где они употребляются не только с местоимениями, но и с существительными: 門人等 *Menrendeng* (§ 8) ‘Последователи’; 汝等門人... *Rudeng menren*... (§ 4) ‘Вы, последователи...’. В Ю-версии кроме указанных отмечен показатель множественности 輩 *bei*, к которому восходит современное 們 *men*: 我輩 *wobei* (348b, 355c) ‘Мы’.

Вместо старого послелого 內 *nei* в ДХ-версии, в Ю-версии отмечен новый послелог 裏 *li*: ...於堂內... ..*yu tang-nei*... (§ 7) ‘...в Зале [для проповедей]...’; 口裏 *kou-li* (361b) ‘во рту’.

⁹ При ссылках указывается страница (арабская цифра) и столбец (a, b, c).

¹⁰ Цитируется с указанием § по тексту, помещенному в книге (Ямпольский, с. 1–30).

В ДХ-версии, как и в языке предшествующего периода, встречаются служебные слова 持 *chi* и 將 *jiang* (но нет обычного для более поздних «классических» *юйлу* IX в. и современного языка 把 *ba*): 從何處來, 持此經典? *Cong hechu lai, chi ci jingdian?* (§ 2) ‘Откуда ты явился с этим каноном?’, 客將柴去 *Ke jiang chai qu* (§ 2) ‘Гость унес дрова (досл.: с дровами ушел)’. В Ю-версии отмечено служебное 把, выносящее дополнение со значением орудия действия: ...把艣自搖 ...*ba lu zi yao* (396b) ‘...сам стал размахивать веслом’.

Единичным словоупотреблением представлены в Ю-версии и такие новые по сравнению с ДХ-версией грамматические показатели, как 沒 *mei* в значении 沒有 *meiyou* ‘не иметь’: 慧能沒伎倆 *Hui-neng mei jiliang* (358b) ‘Хуэй-нэн не обладал ловкостью’; форма невозможности совершения действия, образованная инкорпорацией отрицания 不 *bu* перед модификатором глагола: 食不飽 *shi bubao* (358b) ‘не наестся досыта’; обычная для «классических» *юйлу* IX в. конструкция вопроса, образованного с помощью 也未 *ye-wei* в конце предложения: 米熟也未 *Mi shu ye-wei* (349a) ‘Рис уже готов (или еще нет)?’’. Этот список можно было бы продолжить.

Приведенные выше языковые факты, полученные в результате сравнительной характеристики ДХ- и Ю-версий СШП, позволяют утверждать, что мы имеем дело с двумя версиями одного памятника, созданными в разное время (ДХ-версия — в VIII в., Ю-версия — в XIII в.) и потому зафиксировавшими каждую грамматическую данность своего времени. Это, в свою очередь, дает мне основание высказать предположение, что замечания Масперо и Гао Мин-кая о переделке текста СШП были связаны с тем, что они судили о памятнике по его юаньскому изданию и еще не были знакомы с ДХ-версией.

Для того чтобы как можно точнее определить место и значение ДХ-версии как в диахроническом, так и в синхроническом пространстве, будет уместно обратиться к еще не затронутым выше грамматическим характеристикам текста.

В качестве местоимения 1-го л., как и в языке предшествующего периода, без какой-либо синтаксической распределенности выступают 我 *wo* и 吾 *wu*; для 2-го л. отмечено 汝 *ru*, также свойственное языку Лючао; новокитайское 你 *ni*, ставшее обычным для «классических» *юйлу* IX в., в ДХ-версии не встретилось. При местоимениях 1-го и особенно 2-го л. достаточно часто (но не регулярно!) употребляется упоминавшийся выше показатель множественности (характерный для языка Лючао) 等 *deng*.

В качестве вопросительных слов о лицах встречаются 誰 *shui?*, 阿誰 *ashui?* и 何人 *heren?*; новое 什麼 *shemta?* не отмечено вовсе. Такая картина близка к тому, что зафиксировал язык «Бяньвэнь о воздаянии за милости» (1972, с. 5). Из возвратных местоимений следует отметить единожды использованное в ДХ-версии и характерное для «классических» *юйлу* двусложное 自家 *zija* (§ 36). Отмечены в ДХ-версии и несколько счетных слов, или классификаторов: так, при счете стихов употребляется счетное слово 首 *shou* ‘голова’, при счете помещений — 間 *jian* ‘отсек’; и эти и другие слова подобного типа довольно часто использовались в языке предшествующего периода. В отличие от них встретившийся дважды при одном и том же слове классификатор 箇 *ge* (§ 3, 7) — явление, безусловно, новое, нехарактерное для языка Лючао, но обычное для «классических» *юйлу* и, как известно, сохраняющееся в современном языке. Однако в общем употребление счетных слов в ДХ-версии — фактор, скорее, случайный, и в большинстве случаев числительное сочетается с существительным непосредственно, без всякого классификатора.

Из служебных слов, относящихся к глаголу, отмечен показатель будущего времени и долженствования 當 *dang*, широко распространенный в языке Лючао: 當付汝衣

法 *Dang fu ru yi fa* (§ 7) ‘Я передам тебе облачение и Дхарму’; 當令自悟 *Dang ling zi wu* (§ 9) ‘Ты должен сделать так, чтобы [люди] сами обрели прозрение’. Встречающаяся в тексте морфема 了 *liao* (это не суффикс!) — служебный элемент, характерный и для «классических» юйлу IX в.: 法即付了 *Fa ji fu liao* (§ 49) ‘Дхарму я уже вверил’.

Форма невозможности совершения действия, обычная для языка танской эпохи, в том числе и для «классических» юйлу, отмечена и в ДХ-версии: 代汝謎不得 *Dai ru mi bude* (§ 44) ‘Вместо вас [я] не могу подвергаться заблуждениям’.

Наряду с наречиями, обычными для языка предшествующего периода (повелительное 且 *qie*, 但 *dan* ‘только’, 更 *geng* ‘еще’ и др.), отмечены и некоторые другие наречия, встречающиеся и в «классических» юйлу IX в.: 原來 *yuanlai* ‘оказывается’, 實是 *shishi* ‘в самом деле’, 只 *zhi* и двусложное 只是 *zhishi* ‘только’.

Для выражения вопроса наряду со старыми способами (否 *fou* и другие отрицания в конце предложения) уже встречается вопрос, образованный повтором глагола-сказуемого в утвердительной и отрицательной форме, который вполне обычен в «классических» юйлу IX в. и сохраняется в современном языке: 吾打汝痛不痛? *Wu da ru tong bu tong?* (§ 44) ‘Когда я тебя ударяю, тебе больно (или нет)?’

В связочном предложении наряду со старой связкой 非 *fei* встречается и новая форма — 不是 *bu shi* (регулярно прослеживаемая в «классических» юйлу IX в.): 教是先性所傳, 不是惠能自知 *Jiao shi xian xing suo-chuan, bu shu Hui-neng zi zhi* (§ 12) ‘[Мое] Учение было передано мудрецами прошлого, а [отнюдь] не (есть) мое собственное знание’.

Из других служебных слов отмечены в качестве послелогов 處 *chu* и 邊 *bian*: 汝今向吾邊 *Ru jin xiang wu-bian* (§ 3) ‘Вы сейчас направляетесь ко мне’.

Как оформитель определения встречается только старое 之 *zhi*, тогда как в «классических» юйлу употребляется 底 *di*, а также современная форма 的 *di*.

Если резюмировать изложенные выше факты, характеризующие язык СШП в его ДХ-версии, то следует сказать, что, с одной стороны, язык рассматриваемого памятника близок к языку предшествующего периода, который в настоящей статье представлен текстом «Сутры о царевиче Судане», т.е. к языку ранних переводов на китайский язык произведений буддийской литературы; последний же отражает разговорный (или максимально к нему приближенный) язык дотанского времени. С другой стороны, в языке СШП отмечены некоторые грамматические элементы, характерные для языка дуньхуанских *бяньвэней*, а в ряде случаев — и для «классических» юйлу IX в.

Таким образом, если представить, что перед нами стоит задача датировать памятник при условии полного отсутствия каких бы то ни было сведений о его истории, то на основе данных грамматического анализа текста логично было бы считать, что рассматриваемый текст записан языком, близким к разговорному языку VII–VIII вв. Поэтому использование материала СШП при изучении и описании языка дает возможность наблюдать многие явления в языке в процессе их развития и становления.

Список сокращений

ДХ-версия — дуньхуанская версия СШП

СШП — «Сутра Шестого Патриарха»

Ю-версия — юаньская версия СШП

Список литературы

Источники

太子須達拏經 大正新修大藏經 (*Da zheng xin xiu da zang jing*. Заново составленная Трипитака годов Тайсё). Токио, 1924–1929. Т. IV, № 171. С. 419–424.

南宗頓教最上大乘摩訶般若波羅蜜經六祖惠能大師於韶州大梵寺施法壇經 (Учение о внезапном просветлении южной школы маха-праджня-парамита-сутра высшей махаяны: сутра помоста Великого Наставника, Шестого Патриарха Хуэй-нэна, проповедовавшего дхарму в монастыре Дафаньсы в Шачжоу) — *The Platform Sutra of the Sixth Patriarch. The Text of the Tun-Huang Manuscript with Translation, Introduction and Notes by Philip B. Yampolsky*. N. Y.: Columbia University Press, 1967. С. 1–30.

Литература

- Арья Шура*. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах бодхисатвы / Пер. с санскрита А.П. Баранникова и О.Ф. Волковой. Предисл. и примеч. О.Ф. Волковой. М., 1962.
- Бяньвэнь о воздаянии за милости (рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения). Ч. 2. Грамматический очерк и словарь И.Т. Зограф. М., 1972 (Памятники письменности Востока. XXXIV, 2).
- Гань Бао* 干寶. 搜神記. 商務印書館. Шанхай, 1958.
- Гао Мин-кай*. 高名凱. 唐代禪家語錄所見的語法成分 (*Gao Ming-kai. Tangdai chan jia yulu suo-jian-de yufa chengfen*). Гао Мин-кай. Грамматические элементы, встречающиеся в *юйлу* школы чань (дхьяна) эпохи Тан // Яньцин сюэбао. Пекин, 1948. № 34. С. 49–84.
- Гуревич И.С.* Очерки грамматики китайского языка III–V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы). М., 1974.
- Лю И-цин* 劉義慶. 諸子集成. Шанхай, 1954. Т. VIII.
- «Сутра помоста сокровища дхармы Великого Наставника Шестого Патриарха» (六祖大師法寶壇經). Трипитака. Т. 48, № 2008. С. 345–365.
- Трипитака — 大正新修大藏經 (*Da zheng xin xiu da zang jing*). Заново составленная Трипитака годов Тайсё). Токио, 1924–1929.
- Ян Сюань-чжи 楊銜之. 洛陽伽藍記, 周祖謨. Пекин, 1958.
- Ch'en K.S.* Buddhism in China. A Historical Survey. Princeton, 1964.
- Maspero H.* Sur quelques textes anciens de chinois parlé // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Hanoi, 1914. Vol. 14. No. 4.
- The Platform Sutra of the Sixth Patriarch. The Text of the Tun-Huang Manuscript with Translation, Introduction, and Notes by Philip B. Yampolsky*. N. Y.: Columbia University Press, 1967.

Summary

I.S. Gurevich

On Two Buddhist Texts as Sources to Study the Vernacular Chinese Language of the 3rd–9th Centuries

In this paper, two Buddhist texts are being examined as best examples to study the vernacular Chinese language of the time. *The Sutra of the Prince Sudana*, being compared with the original Chinese works of the time, represents the vernacular Chinese of the 3rd–5th centuries at its best. *The Sutra of the Sixth Patriarch*, as the earliest text in the *yulu* genre, recorded the grammatical structure in its transitional stage from the Liuchao period to the Tang epoch.